

На правах рукописи

Зелинский Валерий Евгеньевич

**ВХОЖДЕНИЕ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО И КАЗАЧЕСТВА В
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ**

Специальность

**12.00.01. – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве**

Автореферат

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

**Краснодар
2009**

Работа выполнена на кафедре теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета

Научный руководитель: доктор юридических наук,
профессор Цечоев Валерий Кулиевич

Официальные оппоненты: доктор юридических наук,
профессор Савченко Марина Станиславовна
доктор философских наук, кандидат юридических наук,
профессор Макеев Василий Васильевич

Ведущая организация: Донской юридический институт

Защита диссертации состоится 2 декабря 2009 г. в 12 часов в ауд. 215 на заседании объединенного диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по юридическим наукам ДМ 220.038.10 при Кубанском государственном аграрном университете (350044, Краснодар, ул. Калинина,13).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Кубанского государственного аграрного университета (350044, Краснодар, ул. Калинина,13).

Автореферат разослан « ___ » _____ 2009г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

доктор юридических наук, профессор

В.П. Камышанский

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Изучение проблем вхождения донского казачества в новое время (XV – начало XX вв.) в правовое пространство России является весьма важной задачей историко-правовой науки. Актуальность темы усиливается в Южном федеральном округе, в котором располагается Донской край, неподдельным интересом в возрождающейся казачьей среде, интересующейся своим богатым прошлым, своей самобытной культурой.

В этой связи одним из самых дискуссионных вопросов стало выявление роли казачьего общества и казачества в Российском государстве в конкретных исторических условиях, в частности, в процессе формирования России как единого государства и участия в становлении Российской империи. Казачество на службе Отечества, в конкретике данной темы, показывает историко-правовой ракурс казачества как этнокультурной общности и (или) как сословия в развитии социума и государственности России.

Тема исследования является также ответом науки попыткам различных «псевдоказачьих» движений и «квазинаучных» изысканий показать исключительность казачества, значит, обосновать свои права на особые формы управления и самоуправления на Дону и даже претензии на собственную государственность, развитие сепаратизма на Юге России делают актуальным изучение истории Дона в контексте отечественного государства. В этом смысле важным фактором, определяющим актуальность темы исследования, является обоснование исторической и политической значимости казачества в общности народов Южного Федерального округа, занимающего одно из ключевых мест в современной России.

Как представляется автору, историко-правовое исследование региона актуализируется конкретной постановкой предмета исследования, что расширяет перечень тем историко-правовой науки, позволяет глубже, по-новому понять процесс обозначенной тематики в отечественной историографии.

Еще один фактор актуальности темы заключается в необходимости полного и объективного изучения историографии историко-правового генезиса донского казачества, чтобы отойти от парадигм и фальсификаций как советского времени, так и современных историков. Историография и связанное с ним источниковедение позволяют теме, в частности, и историко-правовой науки, в целом, выйти на новый эмпирический уровень. В частности, исследование состояния исследований, их количественные и качественные показатели позволяют выявить в теме диссертации магистральные направления, а источниковедческий анализ способствует объективности в освещении историко-правовых аспектов. Обозначенный подход позволяет выделить в историографии вопросы, освещенные в главах и параграфах диссертации.

Наконец, тематика истории государства и права Дона и Северного Кавказа может стать звеном в новом концептуальном подходе к изучению истории отечественного государства и права, исходя из регионального аспекта.

Степень разработанности проблемы.

В предлагаемом исследовании сделана попытка комплексного изучения донского казачества в новое время (с XV по начало XX вв.) с позиции историко-правового генезиса казачества как общества, оформления на Дону российской государственности. При этом специфика историко-правовой историографии позволяют группировать работы как по общей проблематике, так и с конкретикой исследованиям по узкоспециальным темам.

Тематика исследований может быть предложена в нескольких аспектах. Работами М.М. Ковалевского, П. Новгородцева, С. Гессена, С. Пахмана представлены

теоретические исследования дореволюционной школы. В советское время появились теоретические исследования Л. Куббель, М. Косвен, А.И. Першица, Х.М. Думанова и др. На современном этапе выделяются работы Л.П. Рассказова, М.С. Савченко, Е.И. Дулимова, В.Г. Мальцева, Е.А. Чемякина, В.К. Цечоева, Д.Ю. Шапсугова. Особенно актуальной становится проблема правового статуса казачества в прошлом и его возрождения в современных условиях.

Общественные отношения на Дону характеризуют несколько работ повествовательного характера А.И. Ригельмана, Г.З. Байера, В.Н. Татищева, М.М. Щербатова и др. авторов XVIII в..

Труды В.Д. Сухорукова, В. Броневского, А.А. Попова, Е.Н. Котельникова, С.Ф. Номикосова, А.М. Грекова, Е.П. Савельева, В.А. Потто, Ф.А. Щербины, Д.И. Иловайского, Н.И. Костомарова, В.А. Голубоцкого внесли заметный вклад в изучение названных проблем. Крупнейшие российские историки В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, С.М. Соловьев, Д.И. Иловайский включают в свои работы, посвященные истории российского государства, сведения о казачестве Дона.

Новый этап историографии начался после 1917 г. и был представлен двумя школами – советской и эмигрантской. Н.Л. Янчевский один из первых представил советскую точку зрения о казачестве как сословии, он утверждал, что казачество было орудием колониальной политики торгового капитала. С 1920-х гг. были написаны работы С.Г. Сватикова, Т.Ф. Быкадорова и др. В 1950-х гг. наблюдается возрождение казачьей тематики. Особо следует выделить фундаментальный труд А.П. Пронштейна «Земля Донская в XVIII веке», сохранивший свою научную ценность по настоящий день.

На общем фоне советской историографии о казачестве выделяются труды видных российских историков М.Г. Аутлева, А.И. Агафонова, Г.Л. Воскобойникова, П.А. Голуба, А.В. Ермолина, Н.А. Ефимова, Г.З. Иоффе, Ю.И. Кораблева, В.П. Наумова, В.Д. Поликарпова, Д.К. Прилепского, Л.М. Спирина, Л.И. Футорянского, К.А. Хмелевского, Л.А. Этенко, А.И. Козлова, И.П. Хлыстова, Ю.И. Серого, В.Н. Сергеева, В.П. Крикунова, Э.М. Шагина, Е.Н. Осколкова, И.Я. Куценко, И.Л. Омельченко, Н.А. Осадчего, А.М. Седина и др.

С 1990-х гг. по настоящее время – следующий этап в развитии историографии проблемы. Первоначально появлялись информационно-фактологические статьи, затем оценочные публикации журналистов с претензией на сенсационность, открытие запретных тем и фигур умолчания. С 1987 г. было защищено более 70 диссертаций по казачьей тематике, в том числе ряд докторских по историко-правовой тематике (Е.И. Дулимова, П.И. Остапенко, В.К. Цечоева, М.С. Савченко). В этот период по проблеме казачьего движения прошло множество научных конференций, как региональных, так и общероссийских.

Следует отметить международную конференцию «Казачество в истории России (к 200-летию Екатеринодара – Краснодара и 43 кубанских станиц)», научные форумы в Москве, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Краснодаре, Томске, где обсуждались в числе других такие проблемы как происхождение казачества, соотношение в казачестве элементов этноса – сословия, политика государства по отношению к казачеству в дореволюционный период и в советское время, наконец, современные проблемы казачьей государственности, казачьего самоуправления, воинской службы.

Зарубежная историография проблемы истории казачества в целом уступает отечественной литературе как по уровню обобщения материала, так и по содержанию практической составляющей исследований. Среди зарубежных исследований выделяются труды русскоязычных эмигрантов.

Предметом пристального внимания правоведов в последние годы стали политико-правовые основы деятельности Войска Донского и других казачьих войск юга России.

Этой проблеме посвящены диссертации Н.В. Булычевой, А.Н. Ларионова, М.С. Савченко. Учет и использование научных результатов предшествовавших поколений ученых и современных исследователей позволили бы избежать дублирования и параллелизма в выборе и разработке научных направлений, появления «открытий».

Вопросы становления и деятельности войсковых казачьих органов власти и управления, включение их и Земли Войска Донского в состав Российского государства рассматривались в диссертациях О.Ю. Куца, Е.М. Астапенко, Ю.А. Чижиковой, Н.А. Комолова, Д.В. Сеня. По мнению авторов, Московское правительство проводило гибкую политику по отношению к казачеству – оказывало экономическую, дипломатическую, военную и конфессиональную поддержку Войску Донскому, и внутри него старшине – социальной группе населения, которая выражала пророссийские интересы.

Изучению истории и опыта органов местного управления, возможности его использования в современных условиях положила начало перестройка местного управления в Российской Федерации и принятие в 1991 – 2003 гг. комплекса законов о местном самоуправлении и общих принципах его организации. В диссертациях А.А. Волвенко, Е.В. Сафронкиной, Б.Б. Игнатьева, И.В. Бенку преобразования земских и войсковых казачьих учреждений, военного управления в Области Войска Донского и других казачьих регионах Российской империи рассматривались в контексте Великих реформ императора Александра II и контрреформ императора Александра III. Авторы считают, что создание и ликвидация земских, реорганизация гражданских и военных казачьих учреждений были направлены на устранение остатков казачьих вольностей, унификацию управления в Области Войска Донского и в губерниях Российской империи. Особый акцент делали они на деятельности учреждений и их вкладе в экономику, культуру, образование, улучшение мобилизационных возможностей и боеспособности Войска Донского. Однако такой подход не позволяет раскрыть их взаимосвязь с имперским правом и традициями казачества, проследить их становление и развитие как государственно-правовых институтов.

Политические, социальные, военные и экономические кризисы, революции и войны в России в начале XX в., как известно, обостряли старые и создавали новые противоречия. Это приводило к многочисленным реорганизациям, реформам, перестройке государственно-правовых институтов и местного самоуправления в Области Войска Донского. Эта тема стала предметом исследования в диссертациях Н.В. Звездовой, Е.М. Трусовой, Ю.Д. Гражданова, Ю.А. Чижиковой. В изучение институтов атаманства, полиции, прокуратуры, судов, налоговой службы большой вклад внесли правоведы Е.И. Дулимов, Г.Г. Небрятенко, Е.И. Куксенко, Н.В. Булычева, А.Н. Ларионов, В.В. Петрашук, А.Ю. Мирошниченко и др.

Правовое положение донского казачества на военной службе и в мирное время рассматривалось в контексте военной и политической истории Московского государства и Российской империи. Предметом изучения являлись принципы формирования и несения службы казачеством, чиновничество, личные, полковые и войсковые награды и пожалования, правовые взаимоотношения казачьих частей с командованием регулярной российской армии. Возрождение казачества усилило интерес к данной теме, использование ее в политических, военно-патриотических, идеологических и научно-просветительских целях. Благодаря диссертациям А.В. Захаревича, К.П. Шовунова, С.В. Соловьевой, С.А. Козлова, Е.Е. Волошиной, О.В. Дидух, С.Г. Воскобойникова и других ученых участие донского казачества в войнах России XIX в. – Кавказской, Отечественной 1812 г., Крымской, русско-турецких исследовано достаточно полно и обстоятельно. Однако героизация казачества и атаманов и подчеркивание выдающейся роли в сражениях приводит часто к переоценке их роли в решении военно-стратегических и оперативных

задач. Это, фактически, означает принижение регулярной российской армии и ее военачальников, их вклада в победу, нарушение исторической правды.

Проблемы этнополитической истории южных окраин страны оказались в центре внимания ученых в диссертациях С.В. Гуркина, С.В. Черницына, К.П. Шовунова, С.А. Ромашова, Е.П. Мыськова, Д.В. Сеня. В них значительно расширены географические границы, наряду с казачеством предметом исследования стало население, предшествовавшее его появлению или одновременно с ним проживавшее. В контексте неутрачивающих дискуссий о происхождении казачества эти и другие диссертации вызывают интерес ученых.

Продолжалось изучение колониционной и экономической политики правительства, демографических процессов в Северном Причерноморье, Подонье-Приазовье. Они рассматривались в диссертациях Е.А. Пасько, И.А. Ревина, Т.И. Лавриновой и других исследователей. Наиболее обстоятельно представлены рождаемость, смертность, брачность, половозрастной и этнический, конфессиональный состав населения Донского края XIX-начала XX вв. в работе Е.В. Фурсы.

С формированием населения на территории войска Донского тесно связан вопрос о его социальном и правовом статусе. Многие его категории - казачество, крепостное крестьянство, буржуазия, интеллигенция, а также крупные этнические группы, проживавшие на Дону - калмыки, татары, ногайцы, армяне, изучены достаточно обстоятельно учеными предшествовавших поколений. Но это не означает, что тема полностью исчерпана. В диссертациях Е.И. Дулимова, И.А. Ревина, О. Б. Герман ставится задача по-новому исследовать названные сюжеты, расширив временные или географические границы. Многие положения так и остались только заявленными, а выводы повторили известные утверждения, сформулированные в историографии дореволюционного и советского периодов.

В 90-е гг. XX- начале XXI вв. характерной чертой изучения социально-экономического развития Донского края является отказ от комплексных изысканий, выделение отдельных тем в самостоятельный предмет исследования, в частности, так построены диссертации Л.В. Крайнюченко, А.А. Еременко, А.С. Качаляна, М.Г. Нигохосова и других авторов. Такой подход оправдан, так как он позволяет более глубоко и тщательно исследовать проблему. В тоже время, дробление экономики региона по отраслевому принципу или видам деятельности таит опасность повторения пройденного, модернизации исторического процесса, стирание общего и особенного в социально-экономическом развитии Области войска Донского и Российской империи. Значительное место в диссертациях отводится анализу экономической политики правительства, правовым основам ее функционирования.

Аграрные и имущественные отношения и их правовое регулирование, природоохранная деятельность на Дону в XIX – начале XX вв., стали предметом изучения в диссертациях С.Ю. Краснова, С.А. Рябова, А.А. Пушкаренко, М.В. Аляева. Интерес к этой теме не случаен. Ее исследование позволяет понять многие социально-политические процессы, протекавшие в период революций, объяснить накал борьбы и остроту противоречий в годы Гражданской войны.

Долгие годы изучение культуры и благотворительности в Области войска Донского находилось в тени военной, политической, социально-экономической истории и истории классовой борьбы. С изменением идеологических и научных приоритетов в центр исследования становится человек, его духовный мир и общественное сознание во всей сложности его проявлений. В этой связи в диссертациях И.В. Денчик, Т.С. Рудиченко, Е.В. Четвериковой, Е.Л. Щукиной и других исследователей, известные и мало известные

личности, различные группы населения показываются как активные участники исторического процесса. Значительное внимание в диссертациях уделяется характеристике деятельности государства и частных лиц по собиранию и охране культурных ценностей и традиций.

Развитие исторической науки в стране, изучение истории Дона и казачества требовали и указывают на необходимость продолжения диссертационного изучения источников и подведения итогов в этой области. Историографическое изучение продолжалось исследованиями С.М. Маркедонова, теоретико-методологические проблемы источниковедения и историографии рассматривались в диссертации А.И. Агафонова.

Подробная точка зрения о проблематике правового статуса казачества юга России принадлежит М.С. Савченко. В ее докторской диссертации наиболее удачно отражен позитивный историографический опыт, обозначенный до этого у Е.И Дулимова и В.К. Цечоева. Исходя из правового статуса казачества, автор рассматривала и проблематику формирования государственных институтов казачества сначала на рубеже России, а затем уже в ее правовом пространстве.

Итак, историография государственно-правового развития казачества нового времени подразделяется на досоветскую и связанную с ней зарубежную, а также советскую и современную, воспринимающую в значительной степени эмпирический материал советской науки, развивая при этом концепции досоветской и зарубежной историографии.

Анализ состояния изучения проблемы истории казачьей государственности и права позволяет сделать заключение о необходимости продолжения ее специального историко-правового исследования.

Объектом исследования является генезис казачьего общества, появление государственных институтов и права в новое время (XV – начало XX вв.) в соответствии с концепции вхождения донского казачества в государственно-правовое пространство России.

Предметом исследования данной работы является комплексная характеристика историографии о донском казачестве нового времени, генезиса казачьего субэтнуса в сословие, интеграции протогосударственных институтов в правовое пространство Российской империи и оформление в законодательстве обычного права казаков.

Цель и задачи исследования. Целью работы является анализ генезиса социальной структуры казачьего социума, историко-правовой анализ влияния политических и экономических процессов на развитие элементов государственности и права донского казачества нового времени в контексте российской истории.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие **задачи**:

- исследовать досоветскую, советскую и современную историографию о донском казачестве нового времени и выявить в ней историко-правовую составляющую о процессе вхождения казачества в государственно-правовое пространство России;
- определить сущность общественных отношений и протогосударственных институтов донского казачества в XV-XVII вв.;
- проследить генезис казачьего этносоциума в феодальное сословие России;
- рассмотреть эволюцию протогосударственных институтов казачества во властные органы власти Области войска Донского Российской империи;
- дать характеристику трансформации обычного права донских казаков в

законодательство Российской империи XVIII – начала XX вв.;

- показать процесс ограничения обычного права донских казаков государством.

Хронологические рамки исследования определяются новым временем по современной историографической парадигме, т.е. XV- началом XX вв. Нижняя (XV в.) и верхняя (начало XX столетия) хронологические границы в большей степени характеризуют историко-правовое развитие казачества от его зарождения (нижняя граница) до завершения процесса интеграции в Российскую империю (XX в.).

Методологическую основу работы составляют принципы объективности, научности, историзма. Кроме того, исследование основывается на общенаучных методах (диалектическом, системно-структурном) и специально-научных методах: историко-системном, историко-типологическом. В диссертации анализируется информация, основывающаяся на исторических фактах и исторических источниках, учитывается взаимосвязь прямой и косвенной, временной и пространственной информации.

В диссертации производится анализ отечественных работ. Анализируются данные, на которые опираются исследования, после обобщения материалов следует попытка научной актуализации главных вопросов темы. В соответствии с этим структура исследования рассчитана на вытекание одной посылки из другой, последующего вывода из предыдущего, с анализом и синтезом данных посылок и выводов.

Кроме того, методологической основой исследования стали принципы политической антропологии, генетический и цивилизационный подходы, отдельные положения формационной (классовой) теории.

Научная новизна исследования заключается в том, что диссертация представляет собой одну из первых научных работ, в которой комплексно изучаются процессы развития и эволюции донского казачьего общества, государственности и права в новое время. В работе сделана инновационная попытка синтеза достижений отечественной историографии истории казачества, обогащена теоретико-методологическая база исследования, на основе которой выделяются конкретно-исторические особенности уникального генезиса казачьего общества, государственных институтов и права в новое время, исходя из концепции вхождения казачества в государственно-правовое пространство России. В частности, характеризуется автономная сословно-территориальная организация публичной власти, представлявшая общество на путях его интеграции в правовое пространство российского государства.

Автор исследования выносит на защиту следующие положения:

1. Отечественная историография позволяет выделить темы исследования общественного развития казачества и его государственно-правового развития казачества нового времени. Исходя из двух обозначенных тем, выявляются периоды, которые подразделяется на досоветскую, и связанную с ней зарубежную, а также советскую и современную историографию, воспринимающую в значительной степени эмпирический материал советской науки, развивая при этом концепции досоветских и зарубежных исследователей.
2. На протяжении нового времени донское население (казачий субэтнос), заселенная им территория, публичная власть атамана и войскового круга формировались под влиянием специфических форм организации общественной жизни и особенностей хозяйства в результате противостояния враждебной внешнеполитической среды со стороны Турции, лояльности со стороны России, а также в силу физико-

- географических факторов, таких как выгодное геополитическое расположение, благоприятные климат и среда обитания.
3. Общественная жизнь донского казачества XV – XVII вв. показывает отсутствие у него развитых форм частной собственности, что не способствовало появлению классов, необходимых для появления государства. Однако отсутствие классов компенсировалось интеграцией казачества в социальную структуру России посредством вассально-сюзеренных отношений, где вассалом выступал не феодал, а все казачье сообщество.
 4. Негативное отношение казаков к государственности как к институту принуждения, ограничения вольности не способствовало перерастанию атаманского кругового правления в государственный аппарат. С другой стороны, Российское государство не было способно включить в свое правовое пространство Донской край в силу известных внутри и внешнеполитических причин. Поэтому на протяжении трехсот лет, до петровского времени, казачество не образовало государство, развиваясь как союзная России территория, с признаками автономии и с наличием местного самоуправления.
 5. Войско Донское показывает наличие казачьей протогосударственности до XVIII в., которая была народно-территориальной организацией публичной власти. Юридическое оформление власти присутствовало в специфической форме поддержанием собственного суверенитета на земле Дона, представлявшего собой своеобразную территорию, недоступную иной власти.
 6. Общественные отношения, право казачьего социума XV-XVII вв. определялись синтезом славяно-русских и местных нормативных установлений исходя из особенностей социально-экономического развития казачества при отсутствии легитимной публичной власти.
 7. Сравнительный анализ показывает, что статус казачества XVIII – начала XX вв. был обусловлен выполнением казаками военных, а позднее, и полицейских функций в обмен на наделение их правами феодального сословия и соответствующих привилегий. При этом, казачество не являлось феодальным сословием в классическом виде, так как сохранялись автономии, независимость их сообществ. Законодательство Российской империи XVIII – начала XX вв. ограничило обычное право казаков, оформило компромисс между государством и казачьим сообществом.
 8. Превращение в XVIII – начале XX вв. казачества в имперское сословие и его полная интеграция в состав Российской империи при объективно развивающемся процессе капиталистического расказачивания адаптировали к общероссийским условиям процесс развития государственности, а также обусловили появление законодательства о казачестве. В итоге обозначенных процессов, занявших значительный срок, не менее пяти-шести столетий, казачество как сообщество оформилось юридически, эволюционировало как сословие, приобрело соответствующие институты самоуправления, предоставило государству как служилое сословие боеспособное ирегулярное войско.

Теоретическое и практическое значение диссертации объясняется, прежде всего, постановкой проблемы историко-правового исследования развития донского казачества нового времени, раскрытием сущности и конкретизацией условий его социо- и государствогенеза, правообразования с учетом регионального компонента истории Отечественного государства и права.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в преподавании курса истории отечественного государства и права, спецкурсов по истории государства и права Южного Федерального округа, государства и казачества, при написании дипломных, курсовых работ, рефератов и для работы в кружках студенческого научного общества.

Апробация результатов исследования. Итоги исследования обсуждались на кафедре теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета. Основное содержание исследования отражено автором в семи опубликованных по теме диссертации статьях.

Основное содержание диссертационной работы

Первая глава «Эволюция общественного строя казачества в период вхождения Дона в государственно-правовое пространство России XV – начала XX вв.» состоит из двух параграфов.

Первый параграф «Общественный строй казачества в период вхождения Дона в государственно-правовое пространство России в историко-правовой историографии XVIII – XXI вв.» показывает, что в работах российских ученых различных отраслей и направлений исторической и историко-правовой наук выявлены общие закономерности развития правовых отношений донского казачества в новое время, ранней государственности, государства и казачества, интеграции донского казачества в правовое пространство России.

В XVIII – начале XIX столетий в работах А.И. Ригельмана, В.Д. Сухорукова, Н.М. Карамзина начинается научное осмысление проблемы казачества, но более основательное изучение общественных институтов предпринял И.Е. Забелин, а после него Митрополит Макарий, а также С.Е. Зверев и С.Н. Введенский. В досоветской отечественной историографии практически сразу появляется точка зрения о древнем происхождении казачества. Например, о славянах-бродниках как предшественниках казаков писали И.Ф. Быкадоров, А.А. Гордеев. С.Г. Сватиков считал казаков этносом, формировавшим свою государственность, ощутимый урон которой наносили русские цари. Концепция длительного казачьего этногенеза и социума, определившего формирование казачьей государственности, широко представлена в Казачьем словаре-справочнике, где говорится о самостоятельном казачьем этносе.

Важными источниками являются произведения донских авторов, которые являются не только историками, но зачастую и современниками описываемых событий (например, известная работа А.И. Ригельмана). Усилиями А.И. Ригельмана, Г.З. Байера, В.Н. Татищева, М.М. Щербатова и других авторов XVIII века был сформирован во многом противоречивый комплекс характеристик этого сообщества, два подхода к определению истоков его происхождения – миграционный и автохтонный. Продолжение традиций досоветской науки отмечается в многочисленной русской эмигрантской литературе. В работах Г.В. Вернадского, Э. Хара-Давана и других евразийцев, у казачьих ученых русской эмиграции Дон назывался одним из административных центров Золотой Орды (Кипчакией) с русским и казачьим населением. Здесь нужно отметить «Общество изучения казачества», «Донская историческая комиссия», редакции журналов «Вольное казачество», «Родимый край» и др., которые издали ряд трудов С.Г. Сватикова, Т.Ф. Быкадорова, трехтомное справочное издание Казачьего словаря и др.

Новый этап, уже советской историографии, связан с трудами В.Д. Сухорукова, В. Броневского, Е.Н. Котельникова, С.Ф. Номикосова, А.М. Грекова, Е.П. Савельева, Ф.А. Щербины, Д.И. Иловайского, Н.И. Костомарова, Н. Краснова, В.М. Пудавова. В это время крупнейшие российские историки В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, С.М. Соловьев, Д.И. Иловайский включают в свои труды, посвященные истории российского государства, сюжеты о роли казачества, прежде всего, донского, о развитии российского государства в духе миграционной и колонизационной теории.

В советской и современной историографии прослеживается несколько подэтапов в

исследовании проблематики: от революции 1917 года до конца 20-х годов; с начала 30-х до 60-х годов; с 60-х до 90-х годов; с начала 90-х годов по настоящее время. Начало ему положили публикации о казачестве В.И. Ленина, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого, С.И. Тхоржевского.

Из научных работ концептуально выделяются относящиеся к яфетической школе (В.В. Мавродин, Б.Д. Греков, Н.М. Волынкин, Н.А. Смирнов), работы представителей донской исторической школы (Б.В. Лунин, В.И. Кузнецов, А.П. Пронштейн, С.М. Марков). Значительный вклад внес Л.Н. Гумилев, он исходил из наличия симбиоза между Русью и Ордой в формировании бродников как субэтнуса русского этноса, являвшихся предками казаков. А.А. Шенников высказал концепцию, что червленноярцы были предками хоперского казачества, которым они передали свои общественные и боевые традиции. Преемственность прослежена и у М.В. Цыбина. Новым словом в казачьей медиевистике являются исследования Н.А. Мининкова. Автор подробно рассмотрел вопрос о появлении казачества в исторической литературе и показал, что элементы общественного устройства казаков и их предшественников тождественны благодаря аналогичным условиям жизни на Дону, а не по причинам непосредственной этнической преемственности населения средневекового Дона.

В целом большинство советских историков рассматривало казачество как элемент русского крестьянства, эмигрировавшего за пределы Московской Руси (Н.Я. Янчевский, М. Покровский и др.). В советской научной литературе о казачьей тематике в ракурсе позднего его происхождения следует выделить фундаментальный труд А.П. Пронштейна «Земля Донская в XVIII веке». На общем фоне советских и современных исследований выделяются сочинения Л.И. Берза, А.И. Агафонова, В.Н. Королева, Г.Л. Воскобойникова, Д.К. Прилепского, Л.И. Футорянского, К.А. Хмелевского, Л.А. Этенко, А.И. Козлова, В.Н. Сергеева, Е.Н. Осколкова, В.Е. Щетнева, И.Ф. Мужева, Б.А. Трехбратова, А.Н. Скрипова, А.В. Венкова, Ю.К. Кириенко, Н.С. Чаева, Н.С. Присяжного и др.

В собственно историко-правовой историографии казачья государственность исследовалась с точки зрения теории по которой основными чертами были подвижность и транзитивность этой политической формы. Общие закономерности развития архаичных и раннефеодальных государств отслежены в работах В.А. Летяева, И.А. Иванникова, Е.И. Дулимова, В.К. Цечоева, Н.В. Булычевой, М.С. Савченко и др.

В целом в юридической науке появилось много работ, в которых была выявлена сущность феномена казачьей государственности. В связи с этим следует выделить специально обобщающие издания «Донские казаки в прошлом и настоящем» (под ред. Волкова Ю.Г., составитель Лубский А.В.) и «Донскую казачью энциклопедию» (сост. Сидоров Е.В.), которые могли бы стать этапными событиями в изучении истории казачества, если бы были снабжены научно-справочным аппаратом. Представляет интерес учебное пособие «Казачий Дон» (А.П.Скорик, Р.Т. Тикиджьян).

Отдельно в степени научной разработанности тематики необходимо сказать о ее диссертационном изучении. А.И. Агафонов и В.К. Цечоев специально отслеживают тематику диссертаций по теме, они выделяют более 20 докторских и свыше 70 кандидатских диссертаций, посвященных различным проблемам истории Донского края и казачества по специальностям история, история и теория права и государства и др., начиная от диссертаций Н.А. Мининкова, В.Н. Королева, И.О. Тюменцева, С.И. Рябова до Е.И. Дулимова, В.К. Цечоева, М.С. Савченко включительно. Кроме них кандидатские и докторские диссертации успешно защитили В.Н. Глазьев, Малахова Г.Н., Н.В. Булычева, А.Н. Ларионов, Е.М. Астапенко, Д.В. Сень. Исследования по истории государственных институтов, о местном самоуправлении рассмотрены в диссертациях А.А. Волвенко, Е.В. Сафронкиной, Б.Б. Игнатьева, И.В. Бенку. В изучение институтов атаманства, полиции,

прокуратуры, судов, налоговой службы большой вклад внесли правоведы Е.И. Дулимов, Г.Г. Небрятенко, Е.И. Куксенко, Н.В. Булычева, А.Н. Ларионов, В.В. Петрашук, А.Ю. Мирошниченко и др. Вхождение Дона в правовое пространство России с разных позиций рассматривалось в диссертациях Е.А. Пасько, И.А. Ревина, Т.И. Лавриновой, Е.В. Фурсы, О. Б. Герман.

Из рассмотренных выше диссертаций (и сопровождающих их публикаций) предметно и концептуально наиболее близки настоящему диссертационному исследованию три из них, кандидатские Булычевой Н.В., Петрашук В.В., защищенных в 2005-2007 гг., и докторская Савченко М.С. (2007 г.). Более подробная точка зрения о проблематике правового статуса казачества юга России принадлежит М.С. Савченко. В ее докторской диссертации наиболее удачно отражен позитивный историографический опыт, обозначенный до этого у Е.И Дулимова и В.К. Цечоева. Исходя из правового статуса казачества, автор рассматривал и проблематику формирования государственных институтов казачества сначала на рубеже России, а затем уже в ее правовом пространстве.

Таким образом, историография происхождения и развития казачества как этносоциальной группы нового времени подразделяется на досоветскую, а также советскую и современную, сохранившую в значительной мере эмпирический материал советской науки и развивающую концепции досоветской и зарубежной науки.

Второй параграф «Вхождение донского казачества как сословия в государственно-правовое пространство России XV – начала XX вв.» выделяет отдельным этапом трансформацию казачества в служилое сословие России в XV-XVII вв. и его генезис как феодального сословия в рамках Российской империи.

С середины XV до XVIII в. проблематика историко-правового генезиса общественных и государственных институтов у донского казачества актуализируется в нескольких аспектах. Представляется необходимой более широкая постановка проблемы в связи с трансформацией славяно-русского населения в бродников, затем в казаков. Причем собственного исследования требует каждый из аспектов проблемы.

Более локальной является проблема восприятия казачеством элементов государственности у своих предшественников, заселявших донскую степь в доказачий период, начиная с античности, чему посвящена обширная историография, рассмотренная в автореферате ниже, в характеристике второй главы диссертации.

В XV-XVI вв. на Дону появляется казачье население. В географическом плане здесь четко прослеживается концентрация поселений, которые группировались в двух местах на верхнем и среднем Дону и в устье Дона, в том числе, в Азаке (Азове) и в его окрестностях.

От оседлого населения Подонья отличались бродники XII-XIV вв. – вероятные предшественники казачества. Как видно из источников, оседлое население и бродники являлись отличными друг от друга группами населения. Христианское население Подонья, как видно из церковных актов, состояло из нескольких сословий, дозорные караулы были, видимо, служилым сословием (здесь возможна аналогия с бродниками). Жители городков ассоциируются с оседлым сельскохозяйственным населением, здесь напрашивается аналогия с поздними однодворцами, которые встречались даже до середины XIX в., но в силу своей оседлости (в отличие от мобильных казаков) были пригодны только к местной, пограничной службе и выполнению полицейских обязанностей. Кроме этого, здесь встречались купцы, представители миссий, рабы или пленники, а поскольку в актах говорится об игуменах, значит, были монахи и церковная иерархическая структура.

В казачьем сообществе, упоминавшемся с начала нового времени, также появляется собственная иерархическая структура. Уже в начале XVI в. казаки, нанимавшиеся на службу, стали называться городовыми казаками. Впервые упоминание о городских казаках встречается в 1502 г. В состав Русского централизованного государства в 1503 г. вошла Северская Украина. Здесь тоже встречались люди, уходившие в Дикое Поле на промыслы, в 1518 г. они договорились с Василием III о службе великому князю. Как видно, городовые казаки, либо служилые люди, на границе с «Диким Полем» у Московских великих князей были уже в начале XVI в. Численность городских казаков пополнялась за счет населения, пограничного с Диким Полем. Например, упоминаются Рязанцы, уходившие «в молодчество».

Первые же упоминания о казачестве показывают два аспекта. Первый из них говорит о приходе сюда русского населения. Здесь тенденцией XVI в. было усиление крепостничества. Судебник 1551 г. и царские указы конца XVI в., а затем и Соборное Уложение 1649 г. стимулировали уход русского населения на вольный Дон. Второй аспект показывает, что Русское государство вовлечением казаков в русло своей политики изначально содействовало формированию данного, причем, служилого, привилегированного сословия. Например, в состав России в середине XVI в. вошло нижнее Поволжье, началась Ливонская война, и возникла потребность в более широком привлечении казаков на царскую службу, что не могло не сказаться на росте численности казачьего сообщества и дальнейшего его формирования. В середине XVI в. казачество динамично формируется как сословие. В это время казаки по своему правовому статусу уже отличаются от других средневековых слоев общества. Казачье войско (общество) имеет свою структуру управления, в самом казачестве выявляются устойчивые социальные группы.

Несомненным фактором является появление верхового, более привилегированного казачества, приглашавшегося на службу, и низового казачества, чаще промышлявшего войной и разбоем. Надо отметить, что не все казачество находилось на службе у русских царей как союзники, то есть вольные «служилые люди», либо городовые казаки. Часть казачества находилась за рамками политики московского правительства.

Таким образом, в XVI в. можно вычленить три группы казачества по их отношению к государственной службе: служилое вольное казачество, городовые казаки, казачество, не состоявшее на службе у царя. Первые две группы состояли, как правило, из «верховых» казаков, в третьей группе преобладало «низовое» казачество. Окончательное деление казаков на низовых и верховых произошло в 1580-х гг. Верховыми казаками стали считаться донцы вверх по течению Дона от Раздоров (верхних), а низовыми - от Раздоров (верхних) до Азова. Затем граница верховых и низовых казаков закрепилась по ст. Цымлянкой.

Социальную структуру верхового казачества XVI в. можно представить таким образом. В казачьем обществе встречаются служилые казаки и городовые (станичные казаки) с различными социальными оттенками: дворяне, однодворцы и т.д. Среди казаков, не состоявших на службе, находились «новые» казаки. Поступление «новых» казаков на службу Московскому государству было проблематично, так как они находились в розыске и на территории России могли быть пойманы, в то время как «с Дону выдачи не было». В годы правления Бориса Годунова казаков в Россию даже не пускали.

Неоднородным также был социальный состав низового казачества. Большая этническая пестрота населения наблюдалась у нижнедонских юртов, чем у верховых станичников. Казаки, жившие от Азова до верхних Раздор, чаще конфликтовали с Турцией и Крымом, что неоднократно приводило к дипломатическим ссорам царей с турецкими султанами и крымскими ханами. Взаимоотношения низовых и верховых казаков не всегда были гладкими.

В оформлении этнического своеобразия казачества наиболее характерными были три фактора: 1) беглое русское и украинское крестьянство; 2) местное автохтонное, в том числе, славянское население; 3) монголо-татарские племена.

В XVI веке казачество насчитывало 8-10 тыс. человек. После укрепления на Дону семейной жизни и появления к началу XVII в. слоя коренного, потомственного казачества численность его поднялась до 20 тыс., и держалась в этих пределах до конца века. Эти данные имеют принципиальное значение, так как показывают, что казачество являлось серьезным геополитическим фактором в пределах «Дикого поля» между Доном и Волгой.

В XVII столетии в казачестве появились предпосылки, ускоряющие его сближение с другими сословиями феодальной России. В частности, Войско Донское стало более тесно связано с православной Россией, сохраняло древнерусские, вечевые военно-демократические начала. Кроме того, Дон стал своеобразной колонией, которая привлекала много выходцев из феодальной России, не желающих становиться крепостными крестьянами. Наконец, казачество России стало активнее участвовать в общественной жизни страны как феодальное сословие.

Во время Смуты казачество оказалось втянуто в социальные конфликты, которые одни историки называют антинациональными, другие – антигосударственными, третьи – разбойными, четвертые – даже революционно-освободительными. В реальной действительности в этот период действовали различные группы казачества: служилое казачество польской Украины, «воровские» казаки, жаждавшие наживы, донские вольные казаки, стремившиеся к народоправству и круговой демократии, но уважавшие самодержца как национального вождя и Божьего помазанника. В каждой группе казачества существовали свои противоречия, что сказывалось на их политической позиции.

Важным фактором в формировании казачьего сословия стало массовое переселение беглых крестьян на Дон, которое началось в последней трети XVII в., после принятия Соборного Уложения 1649 г., церковного раскола и разгрома крестьянской войны под предводительством казака С. Разина. В России XVII вв. казачьи общества формировались из лиц, выпавших из классово-сословной культуры, т.е. из деклассированных, пассионарных элементов.

После смуты, во втором десятилетии XVII в., произошло военно-политическое объединение верхних и нижних казачьих юртов, возникло единое Войско Донское. Это имело принципиальное значение: именно с данного времени понятие «Войско Донское» стало включать в себя весь Дон. Казачество как субэтническая и сословная группа могло реализовать себя и свои интересы в Российском государстве во второй половине XVI в. и в XVII в. только через феодально-сословный принцип организации, который преобладал в средневековом обществе в разных вариантах. Реализовался путь развития казачества через феодально-сословный принцип организации. Казачеством еще более приобретались сословные признаки, права, привилегии, что не исключало развития субэтнических элементов, хотя и отводило их на второй план.

Казачье сословие в правовом пространстве Российской империи приобретает более выраженные сословные признаки, в то время как этнокультурные различия нивелируются. По отношению к казачеству в социальном плане наиболее радикальные меры связаны с Петровским временем и с реформами Екатерины II. Вольное казачество превращается в служилое и в этом качестве начинает выполнять, прежде всего, функции защитника государства. Пугачевское восстание на Дону вызвало репрессии против мятежного казачества и их вождей; но та часть казачьей старшины, которая осталась верна правительству и оказала ему помощь в борьбе с мятежниками, выиграла и получила привилегии в порядке уступки власти, так и не решившейся на крайние меры в деле уничтожения остатков казачьей автономии. В результате старшина, вошедшая в состав

войсковых администраций и утверждавшая частное землевладение на территориях войск, ограничивала власть атаманов. За старшиной и ее связями с казачеством следили атаманы, а система в целом контролировалась «регулярной» местной и высшей властью Российской империи. Тогда же началось формирование казачьего дворянства. В эту категорию иногда попадала и казачья старшина - в индивидуальных случаях за особые заслуги, по особому императорскому указу, а чаще всего – по списку, составленному войсковым атаманом, который утверждался Императором. Затем Военная коллегия выписывала пожалованным патенты или свидетельства на дворянский чин. Войсковые атаманы этим повелением самодержца приравнивались к генералам, войсковые старшины – к штаб-офицерам, есаулы и сотники – к обер-офицерам. От Военной коллегии они получали пожизненные патенты, как офицеры в регулярных войсках, возвращаясь со службы домой уже не простыми казаками, а фактически дворянами. Они становились особым сословием государственных казачьих чиновников – донским дворянством.

Начиная с XIX столетия усиливается разложение казачьего сословия, которое тогда же стало именоваться расказачиванием. Поземельное устройство казачьей жизни стало постепенно тяготеть к уравниванию с укладом других сословий. Станичные земли объявлялись в общинном владении, а не в собственности, в тоже время земля офицерам и классным чиновникам передавалась теперь не в пожизненное владение, а в потомственную собственность. В апреле 1868 г. было разрешено лицам невойскового сословия селиться и приобретать недвижимость на территории казачьих войск, в 1869 г. был разрешен выход из войскового сословия и зачисление в него посторонних лиц. В результате возросло число иногородних на территории казачьих войск в европейской части России.

Ряд актов распространил на казаков общие для всей России правила торговли и ремесел и зафиксировал всесословный характер станичных обществ и право участия в сходах лиц невойсковых сословий. Казачья сословно-территориальная автономия все более размывалась в ходе объективного расказачивания как составного элемента идущей десословизации (например, «раздворянивания», «раскрестьянивания» и т.п.) в ходе развития индустриализации и втягивания в этот процесс тех окраин российской империи, где базировались казачьи войска.

Власти всеми силами пытались сохранить экономическую основу функционирования казачьих войск – привилегированный и весьма специфический порядок землепользования и землевладения, собственное казачье управление традиционно закрепленными территориями. Эти особенности приходили в определенное противоречие с возрастающим в количественном отношении неказачьим иногородним населением войсковых областей, которое стало в скором времени представлять большинство жителей всех казачьих областей. В результате закладывалось принципиальное противоречие между казачьим и неказачьим населением, что имело в будущем далеко идущие трагические последствия.

В конце XIX – начале XX вв. казачество входило в сословную структуру российского государства, представленную кроме него сословиями дворянства, духовенства, крестьянства и др. На 96 млн. крестьян приходилось только 1200 тысяч потомственных дворян, которые являлись социальной основой монархического строя, политическим классом, управляющим государством, армией. Дворянская элита проявила политическую близорукость в проведении демократических реформ и оказалась способной лишь на попытки упрочить свои пошатнувшиеся позиции, используя полицию, корпус жандармерии, суды и армию для подавления выступавших с политическими и экономическими требованиями различных слоев населения. Победить революционные выступления правительству удавалось, только используя казачьи войсковые

подразделения в качестве полицейских войск.

К началу XX в. основная масса казачества являлась опорой монархического строя. Казаки решительно подавляли выступления рабочих и крестьян на Кубани, Дону, Урале, Тереке и в других районах. Участие казаков в подавлении выступлений рабочих и крестьян определило роль этого сословия в дальнейшем развитии России, отразилось на их социально-экономическом положении. Считая казачество основным орудием в борьбе за сохранение власти, Николай II своим указом от 27 апреля 1907 г. утвердил решение Совета Министров об отпуске казакам в кредит 10 млн рублей на содержание войск, призванных для содействия гражданским властям, и более 2 млн рублей на пособия казакам. Учитывая возраставшее недовольство казачества мобилизацией на внутреннюю службу, власти с помощью финансов, а также всеми другими возможными способами пытались сохранить союз с казачеством.

Постоянно перед местной администрацией стояли вопросы о распределении и перераспределении земель; такие вопросы частично решались на станичных сходах. Власти учитывали это в своей политике по отношению к казачеству. Действовало положение, утвержденное царем 20 апреля 1870 г., о высоких нормах земельных наделов: генералам по 1500, штат и обер-офицерам по 400, классным чиновникам Кубанского и Терского казачьих войск по 200 десятин каждому. Сословная земельная собственность передавалось в частное владение генералам и офицерам. Вследствие разницы в социально-экономическом положении различные слои казачества неоднозначно относились как к властям, так и к общественным движениям и политическим партиям в России.

Казачьи верхи, войсковое начальство, казачья бюрократия объективно противостояли обедневшему рядовому казачеству в станицах. Революция 1905-1907 гг. привела к еще большему обострению противоречий между различными слоями казачьего сословия, хотя делались попытки консолидации казачества. Расслоение казачества происходило и по политическим мотивам. Материальное положение большинства казаков все больше ухудшалось, что было связано с необходимостью несения обременительной воинской повинности. По этой причине простое казачество поддерживало демократические и либеральные политические движения. Верхушка зажиточного казачества в большинстве своем закономерно оставалась на консервативных позициях, хотя и были исключения.

С конца XIX в. стало очевидным, что Донское казачество во многом потеряло свои былые государственные привилегии и права, принципиальные элементы казачьего управления (за некоторым исключением местного низового самоуправления). Все больше и больше оно становилось похожим на регулярные войска, в частности, кавалерийские. Само казачество, находясь в гуще социальных и политических противоречий, было вынуждено воспринимать противоположные идеи: монархизма и демократии, либерализма и большевизма и т.д., испытывало на себе противоречия своего времени.

Законодательство Российской империи XVIII – начала XX вв. также ограничило обычное право казаков, оформило компромисс между государством и казачьим сообществом. Превращение казачества в XVIII – начале XX вв. в имперское сословие, его полная интеграция в состав Российской империи, развивающийся процесс капиталистического расказачивания завершили процесс нивелирования их этнических особенностей.

Вторая глава «Формирование государственности и права у казачества в период вхождения Дона в состав России XV – начала XX вв.» состоит из двух параграфов.

Первый параграф «Государственность и право на Дону XV – начала XX вв. в историко-правовой историографии XVIII – XXI вв.» выделяет наиболее концептуальные исследования, которые внесли определенный вклад в развитие научных знаний по теме.

В XVIII – начале XIX вв. некоторые аспекты строительства казаками своего государства затронули А.И. Ригельман, В.Д. Сухоруков, Н.М. Карамзин. Д.И. Иловайский, Е.П. Савельев рассмотрели преемственность государственных институтов более подробно. Казаки-исследователи И.Ф. Быкадоров, А.А. Гордеев, С.Г. Сватиков, авторский коллектив в Казачьем словаре-справочнике также писали о государственном образовании казачества. Одним из экономических центров Золотой Орды Дон назывался в работах Г.В. Вернадского и других евразийцев. Его территория представляла налоговый округ Кипчакию. Новый этап историографии связан с работой В.Д. Сухорукова «Историческое описание земли Войска Донского», а также работами В. Броневского, Е.Н. Котельникова, С.Ф. Номикосова, А.М. Грекова, Е.П. Савельева, Ф.А. Щербины, Д.И. Иловайского, Н.И. Костомарова, Н. Краснова, В.М. Пудавова. Тогда же крупнейшие российские историки В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, С.М. Соловьев и др. включают в свои труды, посвященные истории российского государства, сюжеты о роли казачества, прежде всего, донского, о развитии российского государства в духе миграционной и колонизационной теории. Большое значение в контексте исследуемой темы имеет теория борьбы «земского» и «казачьего» начала в истории русского государства. В конце XIX в. вышли в свет официозные обобщающие труды по истории Донского казачества. Среди них выделяется 11-й том издания «Столетие военного министерства», полностью посвященный казачеству, «Справочная книжка Императорской Главной квартиры» и др.

Конечно, в подобных произведениях проблема функционирования на начальном этапе российской истории специфической казачьей государственности (подчас даже почти независимой от самодержавия) в принципе ставиться не могла. К этому времени казачье сословие уже обрело статус военно-полицейской силы самодержавия, его стратегического резерва для пресечения возможных революционных волнений. Это обстоятельство императивно влияло на казачью историографию конца XIX – начала XX веков.

В советское время историко-правовая проблематика исследования государственности казаков начинается с темы происхождения казачества, где выделялись две точки зрения: бродники как возможные предшественники казачества, а также концепция возникновения казачества с XVI в. В обоих случаях ученых интересовали проблемы зарождения самоуправления, взаимодействие с Россией, истории обычаев.

Исследование проблемы с этой позиции перекликается с трудами П.П. Ефименко и П.Н. Третьякова. В.В. Мавродин, Б.Д. Греков, Н.М. Волынкин, Н.А. Смирнов, Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский обозначали славяно-русскую преемственность в промежутке XIII и XV вв.

В Золотой Орде развитие славянства, значит и формирование им государства, отрицалось. Так считали все известные ученые, такие как Б.В. Лунин, В.И. Кузнецов, С.М. Марков, другие представители советской донской исторической школы.

Советская научная литература по казачьей тематике, описывающая элементы государственных институтов, представлена также сочинениями Л.И. Берза, А.И. Агафонова, Г.Л. Воскобойникова, Д.К. Прилепского, Л.И. Футорьянского, К.А. Хмелевского, Л.А. Этенко, А.И. Козлова, В.Н. Сергеева, Е.Н. Осколкова, В.Е. Щетнева, И.Ф. Мужева, Б.А. Трехбраторова, А.Н. Скрипова, А.И. Агафонова, А.В. Венкова, Ю.К. Кириенко, Н.С. Чаева, Н.С. Присяжного и многих других. Следует выделить фундаментальный труд А.П. Пронштейна «Земля Донская в XVIII веке», который до сих пор сохранил свою ценность.

Исследования Н.А. Мининкова стали новым словом в казачьей медиевистике. Автор подробно рассмотрел вопрос о появлении в исторической литературе сведений о казачестве и показал, что элементы общественного устройства казаков и их предшественников тождественны благодаря аналогичным условиям жизни на Дону, а не по причинам непосредственной этнической преемственности населения средневекового Дона.

Казачья государственность в историко-правовой историографии исследовалась также с точки зрения теории, по которой основными чертами были подвижность и транзитивность этой политической формы. Общие закономерности развития архаичных и раннефеодальных государств отслежены в работах российских ученых различного направления – антиковедения и др., что, по мнению В.А. Летяева, сыграло большую роль в развитии современных концепций государствогенеза.

С учетом этого обстоятельства необходимо осмыслить роль и значение казачьего обычного права, которое легло в основу данного типа государственности. М.И. Байтин акцентировал внимание на том, что «положения и требования естественного права, будучи в качестве элементов морали и правосознания ближайшей предтечей собственно юридического права, приобретают юридическую силу, становятся правовыми явлениями в собственном смысле этого слова лишь после того, как получают закрепление в качестве норм, действующих в государстве, то есть позитивного права». С ним солидаризируется Т.Н. Радько, который делает акцент на том, что государство имеет социальное назначение, то есть призвано решать задачи, вытекающие из природы данного общества.

Новый этап развития историографии проблемы начался с середины 80-х годов, когда произошел стремительный рост числа публицистических статей по казачеству. Первоначально появлялись информационно-фактологические статьи, затем оценочные публикации журналистов с претензией на сенсационность, открытие запретных тем. Помимо историков и этнографов к исследованию различных аспектов возрождения казачества обратились также социологи, психологи, военные. С 1987 по 2000 гг. было защищено более 70 разнообразных диссертаций по казачьей тематике, прошло множество научных конференций. Для этих публикаций характерным является анализ не только успехов казачьего движения, но и выявления угроз, связанных с его гипертрофированным, плохо контролируемым развитием. Наряду с этим на конференциях в городах Юга России преобладает тенденция восхваления казачества и требования форсировать развитие его государственности.

Попытка дать целостное освещение феномена казачества в контексте политической истории российского государства предпринята в цикле работ В.В. Глущенко. Автор утверждает, что казачье войско нельзя рассматривать как вполне сложившееся государственное образование по типу племенных союзов, так как войско формировалось не по типу кровно-родственных связей, а носило черты крестьянской соседской общины.

Актуальной в современной историко-правовой литературе о казачестве становится проблема избирательной реформы середины XIX в. Несомненно, она имела позитивное значение для России. Органы самоуправления явились большим шагом вперед, если сравнивать с предыдущим историческим периодом. Однако в казачьих регионах, в том числе на Дону, издавна сложились и собственные органы самоуправления. В настоящее время происхождение казачьих институтов государственности серьезно изучают М.С. Савченко, Е.И. Дулимов, С.А. Кислицын, В.К. Цечоев, П.И. Остапенко и др.

Достижения современной историко-правовой науки позволяют приступить к подробному изучению проблемы интеграции казачьего самоуправления в правовое пространство Российской империи и выявить наиболее актуальные аспекты исследования.

Анализ изучения проблемы истории казачьей государственности и права

показывает, что ее дальнейшее специальное историко-правовое исследование является интересным и оправданным.

Второй параграф «Формирование на Дону казачьих государственно-правовых институтов XV – начала XX вв.» показывает, что исходя из обзора литературы и проблематики происхождения казачества, зарождение государственности нужно искать в факторах, датируемых с XV - XVI вв. На Дону того времени четко прослеживается концентрация поселений, которые группировались в двух местах: 1) Верхний и Средний Дон (с тем учетом, что пограничье России и «дикой степи» в XV-XVIII вв. постоянно менялось); 2) Устье Дона – в Азаке (Азове) и в его окрестностях, то есть там, где находилась Сарайская епархия. Из актового материала того времени видно, что данная территория имела свою структуру управления, а в подчинении баскаков (глав административных единиц) находились тивуны (судьи) и атаманы (старосты).

Среди государственных институтов у казаков, традиционно отмечают войско. Уже в начале XVI в. казаки, нанимавшиеся на службу, стали называться городовыми казаками. Впервые упоминание о городских казаках встречается в 1502 г., когда Иван III приказывал казакам «быть на моей службе». В тот же год турецкий посол испросил в Москве разрешения нанять десяток казаков для безопасного сопровождения его посольства. Впервые как единое военное формирование, независимое от царя, упомянуто при взятии Казани в 1552 г.

В 1550-1556 гг. была проведена военная реформа, появилось Уложение о службе 1556 г. В 1571 г. М.И. Воротынский составил первый воинский устав об организации сторожевой и станичной службы на границах. Служба городских казаков осуществлялась в соответствии с правовой базой XVI в. Городовые казаки находились в подчинении Стрелецкого приказа и «верстались» на службу целыми станицами. Стрелецкий приказ определял земельные оклады и денежное жалование служащим казакам. Военное ведомство имело право переводить служащих в другие города и станицы, через него же строилась карьера казака, а при оставлении службы - выплачивалось денежное жалование.

Внутреннее устройство «городового» сообщества сохранило элементы казачьей вольницы, но восприняло структуру, аналогичную городovým стрельцам. Например, у казаков сохранялось выборное самоуправление во главе с атаманом, казачий круг обладал судебной властью. Но в качестве казачьих военначальников по документам приказа проходят «городовой воевода», «голова» и «стольники». В «приборе» (то есть в полковых списках) находились простые казаки, объединенные в сотни, полусотни и десятки во главе с городовыми сотниками, пятидесятниками и десятниками. Городовые казаки, а также однодворцы, поступаая на службу, давали «крестное целование» и «поручную запись».

В конце XVI в. «верховые» и «низовые» донские казачьи войска в целом представляли собой две большие общины, которые разместились на единой, независимой территории с возможностью предоставить боеспособное экипированное войско численностью не менее 6 тысяч, а возможно и до 10-12 тысяч всадников. Действительно, в конце XVI в. на Дону было уже до 40 казачьих городков. Казачество как общество уже было хорошо организовано, имело свою структуру, свои органы демократического самоуправления, правовые обычаи. Общественные и правовые институты казачества воспринимались как непосредственно у своих «служилых» предшественников по Дикому Полю, так и у соседей, в основном у Русского государства, и трансформировались в институты собственной «квазигосударственности». Таким образом, у донских казаков конца XVI в. признаки суверенного государства, но по политическим и социальным причинам само государство казаки не сформировали. Элементы государственности: население (казачий субэтнос), территория (донского казачества), власть (атаманская и войскового круга) - формировались под влиянием специфических форм организации общественной жизни и особенностей хозяйства в результате противостояния

внешнеполитической среде, а также в силу физико-географических факторов. Наличие внешних факторов способствовали изначальному появлению и динамичному развитию такого института как войско. Отсутствие же форм собственности стало особенностью, препятствующим генезису государственных институтов донского казачества XV-XVI вв. и появлению у них законодательства.

Следующим элементом государственности ученые называют институт казачьего круга, то есть публичной демократической власти, самоуправления. Изначально самоуправление донцов складывалось стихийно в соответствии с архаичными правовыми обычаями, по которым учреждались Войсковой и Станичный круг («сбор»). Все казаки имели право участвовать в круге в равной степени, все дела судились и решались сообща, после дебатов приходили к общему решению, которое становилось обязательным для всех. При принятии общего решения голоса не подсчитывались. Главой исполнительной власти избирался атамана из числа наиболее авторитетных казаков. Символом атаманской власти была булава или насека, получаемая от круга. При этом для передачи вновь избранному атаману старый атаман складывал перед кругом знаки атаманской власти.

Центральным органом власти, как видим, был Войсковой круг, который обычно собирался в главном городке донцов. Таковыми в XVI-XVIII вв. были Раздоры, Монастырский городок, во время азовского сидения - Азов, Черкасский городок (Старочеркасская). Собрание станиц в главном городке проводилось, если не считать чрезвычайных ситуаций, раз в год весной, после получения из Москвы с посольством причитающегося царского жалования. В компетенцию войскового круга входили дела, касающиеся взаимоотношений с другими странами, объявления войны и мира, распределения царского жалования, утверждения сбора средств (бюджета). Всю администрацию Войска: Войскового атамана, Войсковых есаулов, Войскового дьяка, Толмача, послов, членов зимовых и легких станиц, выборных посыльщиков, старшин по особым поручениям, походных атаманов, полковников - избирал круг. Кроме того, в XVIII в. круг избирал полицейских чинов, чиновников по питейному делу и т.д.

Круг через посольский приказ вел переписку с патриархом и с разрешения святейшего выбирал войсковых священников. Территория Земли Войска Донского, на которой проживали казаки, находилась под контролем Войскового круга. Круг принимал войсковые грамоты. Среди них были: «прощальная» (об амнистии), «жилая» (вид на жительство), «проезжая» (паспорт), «опасная» (о мобилизации войска в связи опасной ситуацией), «войсковая о послушании» (о присяге (с 1676 года)), «заимная» (о занятии новых земель на юрт) и др. Грамоты, приобретая характер прецедентов, давали начало правовой традиции. Также круг обладал судебной властью и признавался таковой до конца XVIII в. Повседневной судебной практикой занимались станичные суды при станичных атаманах, состоящие из стариков, поскольку круги собирались достаточно редко. Первой инстанцией были суды станичных атаманов, апелляционной - Войсковой круг.

Обычное право казаков XVI-XVII вв. отражало самые архаичные нормы организации и проведения боевых походов, раздела жалования и военной добычи, взаимоотношений казаков в походе. В это время в обычном праве казаков возникло понятие «старшинства», которое возникло вместе с прецедентом выдачи первого русского жалования. Совмещение государственного вознаграждения (жалования) со служебным началом очень скоро превратилось из прецедента в традиционную форму прикрепления казачества к Московскому царству. И все же до середины XVII в. у московской монархии еще не было сил и средств для осуществления по отношению ко всему казачеству в целом уже привычного и отработанного для нее приема - перевода служебного права в служебную государственную обязанность.

Казачий Дон ревностно следил за сохранением своего суверенитета, собственного войскового права. Тесно взаимодействуя с Москвой в вопросах обороны и внешней

политики, войско тем не менее не допускало вмешательства в свои внутренние дела и даже казнило правительственных посланцев, пытавшихся навести «царский» порядок на Дону. В то же время донское казачество, истощенное пятилетним «азовским сидением», вынуждено было в ряде случаев просить Москву о материальной помощи и соглашаться на посылку в край вспомогательных войск.

Реорганизация и укрепление войска и государства в XVII в., приведение казачества к присяге на верность московскому царю после разгрома Крестьянской войны под предводительством С. Разина содействовали ликвидации его политической обособленности, включению в состав служилых сословий. Дальнейшее развитие казачества уже направлялось самодержавием на решение своих задач, прежде всего, на защиту и заселение приграничных территорий, закрепление за ними военной службы в качестве важнейшей государственной повинности и одновременно прав привилегий на хозяйственную деятельность и ее источники, стирание различий между создававшимися по инициативе правительства новыми казачьими войсками и войском Донским.

В ходе реформаторских деяний Петра I было сломлено окончательно сопротивление казачества на Дону, Яике и Тереке. Законодательство в отношении казачества было сконцентрировано на общей цели утверждения России как равноправной участницы европейской международной расстановки политических сил. Вполне естественно, что казаки интересовали реформатора лишь в ракурсе его скоропостижных экспериментов. Казачество просто не могло остаться в стороне от них, тем более что человеческий и социальный потенциал казаков очень хорошо подходил к военно-полицейскому образу российского абсолютизма, культивируемого Петром.

Как видно, формирование этносоциальной общности казачества Дона происходило параллельно с христианизацией распадающейся Киевской Руси и борьбой Московской Руси с татаро-монгольским игом. Но основные источники о развитии казачьей общности относятся к XVI в., когда казаки образовали постоянные городки и станицы и вступили в сравнительно организованное противоборство с татарами и турками. Основным источником пополнения казачьей вольницы было великорусское крестьянство, что не исключало наличия автохтонных элементов. С началом азовских походов Петра I и превращения России в абсолютистскую империю в начале XVIII в. особую остроту приобрел вопрос о ликвидации самостоятельности Войска Донского. Петр I не желал мириться с республиканскими претензиями казачества. К тому же армия Петра, ведущая боевые действия в ходе Северной войны, нуждалась в пополнении регулярной кавалерии, и царь хотел компенсировать это иррегулярными частями казачества. Прежде всего, правительство отрезало казакам выход к Азовскому и Черному морям.

В XVIII столетии устье Дона и Приазовье окончательно входят в состав России. Османская империя, которая прежде контролировала этот район, не уделяла должного внимания его хозяйственному освоению. Здесь не было турецких городов и населения (кроме Азова). Земледелие не развивалось, в степных районах были разбросаны кочевья вассальных султанам феодалов (впрочем, и донские казаки в то время не занимались земледелием).

Вхождение устья Дона и Приазовья в состав Российской империи имело перспективу – освоение казаками новых земель. А на морском побережье и рядом с ним, на Дону, стали обосновываться крепости, гарнизоны которых состояли из частей регулярной армии. В то же время, особенно после продвижения границы на юг, начинается хозяйственное освоение региона. Поэтому необходимо было и юридическое оформление юго-восточного региона Новороссии как субъекта Российской империи. Так, факторы хозяйственного освоения и упрочения приграничных районов в составе России предопределили административно-территориальное устройство обозначенной территории.

Именно в этом плане справедливо рассматривать историко-правовое развитие устья Дона и восточного Приазовья в XVIII столетии.

Следовательно, освоение Приазовья Россией начинается в XVIII веке, оформляется и совершенствуется административно-территориальное устройство Приазовья, которое менялось до начала XX в. Начиная с правления Петра I издавались законы, заложившие основу губерний Российской империи. Так, 18 декабря 1706 г. появился акт «Об учреждении губерний с предписанием начальникам, в тех губерниях о денежных сборах и всяких делах присматриваться, и для подношения Ему, Великому государю, в тех губерниях готовым быть...» Затем 22 февраля 1711 г. был издан акт «Об учреждении Правительствующего Сената и по два комиссара из губернии «для спросу» и денежных сборах и дела финансового управления». Вхождение новых городов в правовое пространство империи на правах губерний во многом определялось ее внешней политикой и выгодным стратегическим положением. Об этом свидетельствует развитие Ростова-на-Дону, Таганрога, Азова, Батайска. Процесс вхождения Донского Приазовья в правовое пространство Российской империи проследим на примере городов обозначенного района.

В 1696 г. в Приазовье возник Таганрог. Здесь в 1698 г. возвели укрепленный шанец, в 1699 г. заложили Троицкую крепость и порт, строительство последнего завершилось в 1709 г., однако уже в 1711 г. Приазовье пришлось вернуть Турции. И лишь в 1769 г. началось возрождение крепости и порта, около них появились светские поселения.

В соответствии с указом Елизаветы Петровны 15 декабря 1749 г. в устье реки Темерник была учреждена Темерницкая таможня для контроля за внешней торговлей и сбором пошлин. При ней были устроены причал, карантин и хозяйственные службы. Рядом располагались форштадты (предместья). На их базе в последующем и возводилась крепость Дмитрия Ростовского. Возле таможни стали селиться первые жители Ростова-на-Дону.

В 1761 г. военной комиссией полковнику А.И. Ригельману было приказано возвести крепость возле урочища «Богатый колодезь», недалеко от места Темерницкой таможни. Императорский Указ Елизаветы Петровны 13 сентября 1761 г. присвоил крепости имя Дмитрия Ростовского, митрополита и чудотворца. Крепость существовала до 1835 г. с гарнизоном из четырех пехотных и одного кавалерийского полков при артиллерии и инженерной команде. В середине – второй половине XVIII столетия строилась Азово-Моздокская укрепленная линия, в нее вошла и крепость Дмитрия Ростовского.

В середине XVIII в. правительство предприняло ряд мер, способствовавших быстрому росту городов. В 1754 г. при Елизавете Петровне были ликвидированы внутренние таможни и учрежден Купеческий заемный банк. Темерницкая таможня уже в 1753 г. получила название портовой таможни, то есть статус ее был повышен. «Жалованная грамота городам» 21 апреля 1785 г. – в оригинале «Грамота на права и выгоды городам Российской Империи» обобщала и систематизировала в одном документе уже имевшие место сословные привилегии городского населения и наделяла «городовых обывателей» новыми привилегиями. Несмотря на то, что крепость Дмитрия и была упразднена, а гарнизон ее переведен в Анапу, развитие города, оказавшегося удачно расположенным на пересечении торговых путей, продолжалось. От Темерника до Нахичеванской межи селился разный народ. Численность населения в Ростове тогда составляла 1788 душ, но уже в XIX в. ростовчан насчитывалось 5255 человек.

Выше по реке Дон, неподалеку от Черкасской станицы располагалась основанная в 1730 г. крепость Святой Анны, возле нее образовались слободки Солдатская и Долломановская.

С 1782 г. крепость Дмитрия Ростовского и поселение около него были включены в состав Таганрогского уезда Азовской губернии, в 1796 г. - переданы в образованную тогда же Новороссийскую губернию в качестве уездного центра (29 августа 1797 г.). Таким образом, поселение вокруг крепости Дмитрия Ростовского получило статус, равнозначный уездному

городу. 8 октября 1802 г. Ростовский уезд перешел в Екатеринославскую губернию, а в 1811 г. город впервые приобрел свой герб и план.

Превращение Ростова в 1797 г. в уездный центр требовало узаконить его статус, что и было оформлено актом 1811 г. Необходимо признать, что до Указа Александра I от 17 августа 1806 г. (№22246) Ростов-на-Дону не упоминается как город. Лишь с переводом присутственных мест из Таганрога в Ростов Указ гласит - «город Ростов». Это завершило юридическое оформление Ростова как города.

Азов после завоевания его Петром I в 1696 г. приобрел важное административное значение: в 1709-1711, 1775-183 гг. город был губернским центром, в 1810 г. преобразован в посад Ростовского уезда Екатеринославской губернии, а в 1888 г. вошел в область Войска Донского.

В 1775 г. проведена реформа управления в Войске Донском, учреждено Войсковое Гражданское правительство. В 1785 г. созданы Кавказская и Астраханская губернии.

В XVIII-XIX вв. устье Дона и Приазовье входило в состав Екатеринославской губернии с уездными городами Таганрог, Ростов. С ней соседствовала Азовская губерния, упраздненная и вошедшая в 1810 г. вместе с Ростовом, Таганрогом в Екатеринославскую губернию. Устье Дона и прилегающие районы Приазовья в 1888 г. были включены в область Войска Донского.

Приведенные примеры показывают, что политика царского правительства в XVIII веке была направлена на учреждение в Донском Приазовье крепостей и городов, административно включенных в губернии. Население включало выходцев из русских губерний, военнослужащих и колонистов, а также отставных солдат. Были и казаки, но они не доминировали. Правительство не решалось передать донским казакам новые земли до окончательного юридического оформления Войска Донского в правовом пространстве Российской империи. Когда это произошло, уже сформировавшиеся города, юридически оформленные в составе России, вошли в состав Области Войска Донского.

Почти сразу после Азовских походов по отношению к донским казакам стали применяться волевые методы. В 1703 г. Петр I запретил Войску иметь своих послов, ограничил выборность войсковых атаманов (они теперь утверждались самодержцем), подчинил в церковном отношении Дон Воронежскому митрополиту. Петр I направил на Дон чиновников, чтобы привести в покорность казачьи городки и выслать из них пришельцев. Петр I отнял у войскового круга всю самостоятельность и предоставил власть Войсковому атаману. Наказные Атаманы продолжали формально избираться кругом, но утверждались царем, причем уже не на один только год, а постоянно.

Резко усиливается вмешательство государства в донские порядки при Екатерине II. Казачество стремится отстоять элементы внутренней автономии, связанные с внутренним самоуправлением и с возможностью обособления региона в рамках империи. Назначенный войсковой атаман Степан Ефремов становится практически авторитарным правителем Войска Донского и входит в конфликт с центральной властью. Он отрицательно относился к функционированию крепости Св. Дмитрия Ростовского, предназначенной в том числе для надзора за казачеством. Он вошел даже в самостоятельные сношения с кубанскими казаками, стремясь выйти за правовые пределы войска. В 1765 г. атаман представил в Военную коллегию записки, в них он предлагал сосредоточить всю военную и гражданскую власть в руках Воскового атамана и войсковой канцелярии при нем, ликвидировать войсковой круг, отозвать с Дона правительственные комиссии. Этот проект устройства Донского войска стал обоснованием для узаконения своей почти самодержавной власти и утверждения автономии войска в отношении к Российской империи. За эти требования Ефремов был смещен с поста и сослан в Пярну.

Указ Павла I от 12 декабря 1796 г. и имел для казаков еще более серьезные

последствия: 1) он утверждал на Дону слой помещиков и многочисленное сословие крепостных крестьян, число которых, по последней 10-й ревизии, достигало уже 286 тысяч, приблизительно чуть меньше половины численности самих казаков; 2) сократился запас свободных войсковых земель, которые составляли неотъемлемую собственность всего войска и являлись резервом для пополнения юртового довольствия станиц по мере роста казачьего населения; 3) был нарушен древний казачий обычай, согласно которому казачьи чины являлись лишь временным званием и не давали никому права на большой пай юртовой земли. Вслед за ним, Александр I, проводя «антипавловскую» политику, указами от 25 февраля 1802 г. и 6 февраля 1804 г. вновь повелел «войсковую канцелярию составить по примеру того, как в 1775 г. учреждено было гражданское правительство с той только отменой, что, оставаясь по части воинской в подчиненности Военной коллегии, в делах гражданских, вместо бывшей зависимости от генерал-губернатора, состоять ей в ведомстве Правительствующего Сената». Кроме того, для казачества разрабатывалось принципиально новое положение. Оно долго согласовывалось и было утверждено только 26 мая 1835 г. Это Положение еще сильнее ограничило сохранившиеся к тому времени элементы казачьего самоуправления и определило основную линию по дальнейшему вовлечению Дона в общегосударственное русло Российской империи, управление Донским казачеством почти на весь XIX в. Войсковые круги приобрели теперь характер общевоисковых торжеств, посвященных воспоминаниям о различных исторических событиях. Атаман Войска Донского получил титул Наказного Атамана, а Войсковым Атаманом считался наследник престола – Цесаревич, который приобретал это право в день своего рождения, т.е. появления на белый свет. Наказной Атаман практически выступал в роли генерал-губернатора Дона, сосредоточившего в своих руках военное и гражданское управление в казачьем крае. Однако реально права генерал-губернатора и командующего военным округом донские атаманы получают значительно позднее (по Указам от 23 марта 1868 г.).

По Положению 1835 г. гражданское управление области с теми незначительными изменениями, которые вошли в Свод 1857 г., включало следующие центральные органы: 1) войсковое правление под председательством войскового Наказного Атамана, состоявшее из четырех экспедиций: исполнительной, хозяйственной с войсковым казначейством, поземельной и счетной (соответствующих губернскому правлению, казенной палате с казначейством и позднейшим питейно-акцизным управлением, палате государственных имуществ и теперешней контрольной палате), а также из рекрутского Присутствия, строительной и продовольственной комиссий и 2) отдельные войсковые учреждения: Приказ общественного призрения, врачебную управу, почтовую контору, депутата (губернский предводитель дворянства), суд уголовный и гражданский, прокурора со стряпчими, а также Новочеркасский коммерческий суд. В семи гражданских округах были окружные: Сыскное начальство (уездное полицейское управление), казначейство, почтовая контора, депутат, опека, Судное начальство (уездный суд) и стряпчий, кроме того, окружными учреждениями считались: Калмыцкое правление, Новочеркасская полицейская управа, торговый словесный суд и семь чиновников по питейному сбору.

Реформы 1860-х гг. способствовали дальнейшему укреплению государственной зависимости казачества. Управление иррегулярных войск, Созданное в 1858 г., было переименовано в 1867 г. в Главное управление Иррегулярных войск, а в 1879 г. – в Главное управление казачьих войск с сохранением своей главной директивно-командной функции. Штат этого ведомства постоянно возрастал. Повышались должностные категории и полномочия начальников. Понимая, что главная обязанность казачества - не земледелие, а военная служба, управление стремилось усилить военные функции казачества. Предпринимались меры по слиянию военных и гражданских органов управления. Это было осуществлено на окружном уровне. В ходе реформирования

системы местного управления правительство стремилось обеспечить максимальную унификацию административного устройства казачьих областей по образцу имперских территорий.

В связи с судебной контрреформой было принято дополнение в законодательство Российской империи от 3 июня 1891 г. (Положения об общественном управлении станиц казачьих войск, к руководству станичным обществам Войска Донского и должностным в сих обществах лицам, при исполнении возложенных на них этим положением обязанностей). Подзаконные акты 1891-1892 гг. недостаточно отражены в исследованиях, хотя и опубликованы. Поэтому следует подробнее рассмотреть содержание законодательства Российской империи.

Положением от 14 декабря 1874 г. и Уставом от 17 апреля 1875 г. в Войске Донском вводилась всеобщая воинская повинность при сокращении срока службы казаков с 30 лет до 20. Из них казак был обязан прослужить в приговорительном разряде три года, в строевом - двенадцать лет и в запасном – пять лет. Как и прежде, казаки должны были содержать на свой счет необходимое вооружение, снаряжение и лошадей. Но теперь казаки лишались всякого рода льгот и отсрочек от службы. Фактически казаки, в отличие от других, оказались наиболее закрепощенным со стороны государства военно-служивым сословием, а поэтому и наименее самоуправляемым.

Об этом же свидетельствовало, к примеру, и решение царского правительства об объединении 9 видов казачьего капитала (строительного, пожарного, церковного, училищного, горного и др.) в единый войсковой капитал. С потерей специфических фондов, например, военного, обедневшие казаки теряли возможность получать средства на приобретение необходимого для службы вооружения, снаряжения и лошадей. Помимо административной зависимости, казачество попало теперь под единый финансовый пресс. Естественно, это обусловило дальнейшее ограничение самостоятельности казаков.

Многие реформы, осуществлявшиеся в казачьем крае, проходили достаточно организованно и гладко. Считая, что прежняя самостоятельность казачества сломлена и забыта, центральное правительство предприняло попытку внедрить на Дону институт земства - выборные формы местного самоуправления. Но на Дону издревле существовало как бы казачье земство, т.е. аналогичные, проверенные опытом и временем формы местного самоуправления. Поэтому насаждавшееся в казачьем крае земство просуществовало всего с 1876 по 1882 гг. Правда, именно в это время здесь закрепились Донская казенная палата, Контрольная палата, Акцизное (налоговое) управление и другие органы, открытые в Новочеркаске. Это внесло еще большую путаницу в функции органов власти на Дону.

В 1880 г. Император Александр II предпринял реорганизацию Министерства Внутренних Дел. Из обычного министерства оно поднялось в своем статусе до уровня ведущего с правами министра на уровне первого министра Российской империи. В его ведение перешла значительная часть функций государства. Новые возможности МВД России позволили ему вовлечь в орбиту своей деятельности часть государственных функций и на Дону. Так, в 1889 г. тюремные учреждения на территории Донской области, находившиеся в подчинении Военного ведомства, в том числе и Новочеркасская тюрьма, были переданы Министерству Внутренних Дел по Главному Тюремному Управлению. В начале XX в. Министерству Внутренних Дел была подчинена Донская жандармерия, управление которой находилось в Новочеркаске. Однако полиция Дона осталась в подчинении Военного ведомства. Дон и Новочеркаск все более втягивались в русло российской юриспруденции и общероссийских правоохранительных законов.

Хотя в Новочеркаске, как и в любом другом российском городе, были полицейские участки, жандармерия, тюрьма и т.д., казачья столица все же довольно

существенно отличалась в смысле правоохранной обстановки и деятельности. Во-первых, наряду с указанными органами и учреждениями в Новочеркасске помогала обеспечивать правопорядок местная казачья команда, обычно казачья сотня. Она участвовала во всех крупных городских мероприятиях, в том числе в Войсковых кругах, в празднествах по случаю дней рождения Императорских особ, во встречах высоких гостей и др. Взаимодействие полиции, жандармерии и местной казачьей команды позволяло поддерживать в столице Дона довольно устойчивый и относительно благополучный правопорядок. Во-вторых, в Новочеркасске, как казачьем городе, за порядком следили и казаки станиц города. Казачье самоуправление и быстрое приведение «в порядок» любого нарушителя позволяло поддерживать в городе дисциплину на достаточном уровне. Иногородние, как правило, «воспитывались» и «перевоспитывались» полицией и жандармерией.

Таким образом, в 1869-1878 гг. были упразднены почти все специфические черты гражданского управления Донской области, отличавшие ее от других губерний России. Войсковое управление, которое оставалось в ведении военного министерства, было преобразовано и переименовано в Областное; старший член получил наименование помощника председателя на правах вице-губернатора; ему были приданы три новых советника. Выбор их до введения земства предоставлялся дворянам.

Прежние ассессоры, назначавшиеся уже с 1868 г. атаманом, были переименованы в начальников отделений. Заведование земскими повинностями перешло в особое о земских повинностях Присутствие; кроме оставления еще в распоряжении областного правления войсковых земель и войскового капитала, оно в прочих отношениях приравнивалось к губернским правлениям: из него были выделены хозяйственная и счетная экспедиции, выборные казначейства и переданы в министерство финансов и в Государственный контроль под названиями Казенной палаты, Управления акцизными сборами, Контрольной Палаты, Областного и Окружных казначейств на общем в Империи основании. Были упразднены сыскные начальства, потом и войсковые суды. Их заменили сперва мировыми, а затем общими судебными учреждениями. Войсковой и окружные депутаты получили наименования областного и окружных предводителей дворянства. В свою очередь по военной части оказались упраздненными войсковые дежурства и комиссия военного суда, их заменили войсковым штабом и военным судом на общем основании. Выборные окружные генералы с их дежурствами были заменены атаманами отделов по назначению.

Преобразования коснулись также личных и имущественных прав казаков. В 1868 г. последовало «дозволение русским поданным невойскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск». Это означало появление еще одного нового сословия, неизвестного прежде на Дону, – сословия иногородних. Тем самым было допущено новое отступление от внутреннего казачьего единства.

2 июля 1871 г. Положением об управлении общим войсковым капиталом Донского казачьего войска все особые ранее существовавшие девять «капиталов», в том числе строительный, пожарный, горный, училищный, церковный и военный были слиты вместе с общим войсковым. Этим решением отменялось специальное назначение фондов, важное для казаков, в особенности для функционирования военного «капитала», из которого выдавались средства на снаряжение, столь необходимые неимущим казакам пособия.

Таким образом, изучение государственно-правовой истории казачества Дона XVIII - начала XX вв. позволяет увидеть существенные изменения, которые произошли в социальных и государственно-правовых отношениях на территории Дона и Приазовья. Для социально-правового статуса казачества XVIII – первой половины XX вв. характерна минимизация суверенитета от Российской империи вследствие того, что казаки выполняли полицейские и военные функции и обладали сословными привилегиями. В

этот период казачество не представляло собой классическое феодальное сословие, так как сохраняло качества независимого субэтноса.

Законодательство Российской империи XVIII – начала XX вв. оформило административно-территориальное устройство Области Войска Донского как части России, закрепило последующее развитие казачества в пределах единого государства.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки

России для публикации результатов диссертационного исследования:

1. Ограничение законодательством Российской империи прав донского казачества в XVIII столетии // Юрист – правовед. № 6, 2008. – 0,3 п.л.

Иные публикации:

2. Отечественная историко-правовая литература об античных полисах Азово-Черноморского побережья // Порядок общества и правовой нигилизм / Под ред. П.П. Баранова, С.О. Беляева, Г.С. Працко. – Ростов-на-Дону, 2008. – 0,3 п.л.
3. Античные государства Дона и Азово-Черноморского Побережья в историко-правовой литературе // Суд, право и власть: сборник научных статей. Вып. 4. – Ростов-на-Дону, 2008. – 0,3 п.л.
4. Донское казачество в XVIII столетии как сословие в Российской империи // Вопросы судебной реформы: право, экономика, управление. № 5. – Ростов-на-Дону, 2009. – 0,4 п.л.
5. Казачество в историко-правовой литературе // Вопросы судебной реформы: право, экономика, управление. № 6. – Ростов-на-Дону, 2009. – 0,4 п.л.
6. Античные государства Юга России // Ученые записки ДЮИ. / Под ред. Е.И. Дулимова. Т. 35. – Ростов-на-Дону, 2009. – 0, 3 п.л.
7. Ограничение законодательством Российской империи прав донского казачества в XIX столетии // Ученые записки ДЮИ. / Под ред. Е.И. Дулимова. Т. 35. – Ростов-на-Дону, 2009. – 0, 3 п.л.